

Кузьмина Юлия Юрьевна

студент
Уральский медицинский институт
Челябинск, Россия

Хакимова Кристина Николаевна

студент
Уральский медицинский институт
Челябинск, Россия

Шабоян Клара Леоновна

студент
Уральский медицинский институт
Челябинск, Россия

**БОРЬБА С ТИФОМ И СОЦИАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА
В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1919-1921 ГГ.****Аннотация**

Исследование посвящено мерам противодействия эпидемии тифа, носившим не системный и зачастую децентрализованный характер. Показана социально-политическая ситуация и экономическая обстановка в регионе в разрезе факторов, детерминировавших распространение пандемий. Раскрыты мероприятия, предпринятые для решения проблемы и результаты борьбы. Сделан вывод об актуальности изучения опыта профилактики и борьбы с пандемиями периода гражданской войны для современной обстановки, особенно в плане реализации чрезвычайных мер.

Ключевые слова:

Челябинская губерния, сыпной и возвратный тиф, социальная обстановка, общественное здоровье

На завершающем этапе гражданской войны в России бушевали эпидемии гриппа, холеры, чумы, малярии и тифа. Последний, ввиду масштабных военных действий с начала Мировой войны, представлял особую опасность по числу жертв, из-за отсутствия коллективного иммунитета и высокого процента рецидива. Белые и красные массовое распространение тифа в 1919 г. воспринимали как бактериологическое оружие и обвиняли друг друга в его применении. Эвакуации войск и беженцев, тяжелая обстановка, комплексный кризис экономических отношений являлись условиями для стремительного распространения тифа в воинских соединениях, городах и сельской местности.

Осенью 1919 г. Южный Урал был очищен от белогвардейских войск. В сентябре была образована Челябинская губерния. Органы власти создавались в виде чрезвычайных комитетов – ревкомов, которые, как правило, назначались, а не избирались и функционировали на губернском, уездном, волостном и сельском

уровнях. Их численный состав был невелик: от 3-х до 20 чел. При ревкомах образовывались 6-7 отделов, включая здравоохранение [1, с. 129-130].

Их наделили широкими административно-хозяйственными полномочиями по мобилизации ресурсов, восстановлению экономики, борьбе с политическими противниками [2, с. 28]. Одновременно создавались партийные структуры: губернский комитет партии (губком), уездкомы, райкомы и партячейки. В конце 1919 г. наметилось слияние государственных органов с партийными. Так, зампредгубкома Р.И.Эйхе, был предгубревкома М.Х. Поляков [3]. Параллельно выстраивалась сеть организаций РКСМ. Комсомольцы активно участвовали во всеж политических мероприятиях, как Неделя помощи голодающим, Неделя борьбы с тифом [4, с. 12].

Были сформированы органы безопасности как губчека, Комиссия по борьбе с дезертирством, милиция, отдел юстиции, Ревтрибунал и чрезвычайные, как Комиссия по борьбе с тифом (Чекотиф), Комиссия по обеспечению топливом (Чекатоп). Через военкоматы различного уровня за первые шесть месяцев прошли десятки тысяч мобилизованных, пополнивших многочисленные тыловые части различного подчинения, дислоцированные в губернии. В Челябинской губернии коммунисты столкнулись с рядом трудностей. Советской власти достался во многих отношении разоренный край. Проблемы были во всех сферах народного хозяйства. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт находились в глубоком кризисе. С белыми ушли многие специалисты, значительная часть буржуазии, технической интеллигенции. Колчаковцы увезли с собой готовую продукцию, сырье, оборудование, отчетную документацию, инженерно-технический персонал. Основной упор был сделан на эвакуации имущества и рабочих военных заводов. Из Троицкого и Верхнеуральского уездов было вывезено десятки единиц регионального и общероссийского значения (заводов) [5, с. 50]. Такие города как Челябинск, Верхнеуральск, Златоуст были взяты после тяжелых боев и многие здания заводов пострадали от огня артиллерии, к осени большая часть рабочих была мобилизована в армию, не хватало сырья, топлива, кадров. Все вышеперечисленное в равной мере относится и к системе здравоохранения. Белая администрация мобилизовала большую часть медицинских работников в войска, эвакуировала больницы, оборудование и запасы медикаментов, уцелевшие здания пострадали в ходе боев, подъездные пути были разрушены. Столкнувшись с проблемой реэвакуации власти уперлись в кризис транспорта и острый дефицит кадров во всех сферах, особенно в медицине. Проблемы

решали чрезвычайными мерами. Население по трудовой повинности обязали восстановить железную дорогу, станции, мосты, осуществлять подвоз рельс, шпал, инструмента, ремонт насыпи и расчистку путей.

В социальной сфере отмечались негативные тенденции, как растущая криминализация общества, в губернии в большом количестве появлялись преступные организации, банды. Только в Челябинске с 10 августа по 1 октября 1919 года было зарегистрировано 177 преступлений, а с 1 по 15 октября – уже 197. Наблюдался значительный рост маргинальных слоев населения. В 1919-1920 гг. в регионе находились на нелегальной положении десятки тысяч человек: дезертиры, бежавшие из тюрьмы и концлагерей. Армию правонарушителей пополняли тысячи беспризорников.

Большую проблему представляли эпидемии. В губернии осталось мало больниц, лазаретов, врачей и фельдшеров, их в первую очередь забирали и красные, и белые. Нехватка медикаментов, низкая этика населения – вот исходные причины больших жертв заболеваний. Образованная комиссия по борьбе с тифом (Четиф) не могла справиться с задачей из-за отсутствия лекарств, медработников и помещений. Были образованы санитарные курсы, проводилась разъяснительная работа с населением, но эпидемии немного отступили лишь с наступлением тепла. [7, с. 340-341; 24, с. 361-362].

Остро стояла продовольственная проблема. Города и воинские части требовали хлеба и мясопродуктов, а сельское хозяйство находилось в глубоком кризисе. Сократились посевные площади, поголовье скота, уменьшилось число рабочих рук. Но политика партии в деревне была направлена в основном на выкачку продовольствия. Образованные в ряде районов совхозы, колхозы, коммуны и сельхозартели засевали менее 1% земли и реальной помощи оказать не могли. Сбои в работе промышленности порождали отсутствие предметов фабрично-заводского производства, следствие чего в городах процветала спекуляция. Истребляя запасы хлеба и сахара, распространялось самогонование и пьянство. По приказу губкома с 15 марта 1920 г. ограничивалась (по сути, прекращалась) свободная торговля, живым скотом, зерновыми (кроме печеного хлеба), молочными продуктами, чаем, солью, табаком, сахаром и прочими товарами первой необходимости [6]. С начала 1920 г. для служащих вводилось бесплатное питание по карточкам, рабочие обеспечивались продпайком, который выдавался и сельской местности парторботникам, инвалидам,

семьям красноармейцев. На ж/д разъездах и станциях заградотряды устраивали облавы на мешочников, везущих продукты голодающим родственникам. В городах были взяты на учет запасы продовольствия у населения. В целом власти, проводя политику, как правило, решали проблемы чрезвычайными мерами, за счет населения, сочетая милитаризацию производства, трудовые мобилизации, повинности и ударничество. Все это вызывало недовольство. Таким образом в губернии налицо была обстановка полной разрухи и дестабилизации экономики. Политика партии приводила к противостоянию города и села. Наступление на деревню (продразверстка) до предела обостряло обстановку в регионе.

Губерния получила эпидемии как бы в «наследство» от белого режима. Зимой 1919/1920 гг. ситуация стала катастрофической, а заболеваемость тифом была повальной. Препятствием органов региона в расчет не брали, так как Советы в 1918 г. существовали около полугода до их свержения. Нарботки других губерний также не могли использовать, потому что ситуация начала 1920 г. стала принципиально новой по масштабам и остроте, с чем власть столкнулась впервые. Позднее, после окончательного закрепления Советской власти на Урале осенью 1919 г. мероприятия проводились более централизованно. Для предупреждения заражения тифом в учреждениях осуществляли обеззараживание спецрастворами [7], [25, с. 102], [26, с. 507-509].

Помимо отмеченных выше присутствовали и иные факторы, способствовавшие распространению эпидемий. С осени 1919 и весь 1920 год в Советской России и на Южном Урале отмечалось массовое дезертирство. В Челябинской губернии комиссии по борьбе с дезертирством и милиция за 1920 год задержали 36 144 дезертира, за первые месяцы 1921 года еще до двух тысяч [21, с. 26-27]. В воинских частях красноармейцам не хватало обмундирования, холодные казармы из-за отсутствия дров, антисанитария вели к росту числа заболевших, а в лазареты уже были до отказа забиты и больных (из местных жителей) отпускали лечиться домой, что в свою очередь также усиливало эпидемии [8, с. 102]. Отсутствие медикаментов, нехватка врачей, коррупция в госпиталях, недовольство службой в целом способствовали дезертирству [9, с. 26-27]. Дезертиры, которых в селах не воспринимали в качестве преступников, укрывали их и оказывали содействие, как раз и доставляли инфекции в сельские районы. Многие дезертиры стремились домой, чтобы помочь своим хозяйствам, переживавшим кризис, усугублявшийся в условиях продразверстки, когда

у населения изымали оставшиеся запасы продуктов, а известия об этом проникали в армию, способствуя дезертирству [16, с. 122].

Обстановка в селах в указанный период в целом была катастрофической. Экономический кризис, мобилизации, засуха, сокращение хозяйств, свидетельствовали о невозможности исполнять задания по продразверсткам, походившим с применением насилия, что в итоге способствовало, среди прочего и массовому распространению эпидемии тифа в сельской местности [10, с. 102-104]. Данная ситуация осенью 1920 г. привела к вооруженным выступлениям под флагом отмены продразверстки, где движущей силой стали дезертиры [22, с. 35, 38-39]. В регионе запылала малая гражданская война с новыми жертвами, террором, расправами. Восставшим удалось, при отсутствии единого центра, создать вооруженные силы и органы управления на подконтрольной территории, но они не предпринимали усилий по организации противодействия эпидемиям [20, с. 68-75; 23, с. 116-117].

Повстанцы, используя партизанскую тактику или производя стремительные рейды, не всегда стремились к контролю определенных районов, распространяя свое влияние на новые территории, что среди прочего способствовало проникновению инфекций (включая тиф) в другие регионы и стало фактором дестабилизации противоэпидемиологической работы [17, с. 47, 53-54]. В своих воззваниях восставшие, критикуя политику военного коммунизма, не затрагивали вопросы эпидемий, кроме голодного бедствия и падения уровня жизни [19, с. 119-120].

В некоторых местах, как в Кустанайском уезде, повстанцы проводили широкомасштабные операции, блокировали города, но, потерпев поражение, сотнями пополнили исправительные лагеря, ухудшив в них и без того проблемную обстановку с заболеваемостью контингента [18, с. 115-120].

В целом ликвидация вооруженного протеста потребовала от местных властей серьезных усилий и была с осени 1920 года в течение нескольких месяцев ведущим направлением их деятельности, с использованием всех ресурсов по максимуму, когда вопросы здравоохранения и сопротивления инфекциям оставались на втором плане [11, с. 65, 69].

В таких условиях говорить о планомерной борьбе с эпидемиями не приходится. Однако работа по разным направлениям все же перманентно производилась. Отметим важные примеры и акции.

Ситуация в здравоохранении осенью 1920 г. оставалась сложной. В октябре постановлением Челябингубисполкома наметили меры подготовки к эпидемии тифа. Первой задачей и потребностью было обеспечение мылом, дровами, бельем и соломой. Рассмотрели предложение о предоставлении мыла из запасов здравотдела. Губкомтруд принял решение о доставке дров для гражданских и военных бань, а губпродком предпринял усилия по обеспечению госпиталей соломой для тьюфяков, позднее всех работников здравотдела объявили милитаризованными, бросив силы на организацию дополнительных койко-мест в эпидемическом бараке [25, с. 102; 26, с. 507-509].

На протяжении 1920-1922 гг. усилия в сфере здравоохранения носили стихийный, спорадический и чрезвычайный характер: учреждение ЧК по борьбе с тифом, периодические недели бань, санобработки и чистоты, материальная поддержка медиков, задействованных в борьбе с эпидемиями, создание бань в спецпоездах и мобильных эпидемических отрядов, пополняемых кадрами из центральной России, организация санитарных курсов, принятие решений об изоляции инфицированных, периодическое объявление карантинных, введение ограничений по срокам и числу участников проведения похорон умерших [25, с. 102; 26, с. 507-509].

В итоге, благодаря комплексным, но не планомерным мероприятиям уровень заболеваемости в отдельные периоды удавалось брать под контроль. Первое снижение началось весной 1920 г. Летом этого года, несмотря на сложную обстановку, наметились первые успехи в борьбе с эпидемиями, однако осенью, а затем зимой 1921 г. произошли новые пики эпидемиологической опасности. Но приобретенный опыт, несмотря на голодное бедствие и усугубившийся системный кризис, позволил постепенно наладить систему здравоохранения в регионе и окончательно взять ситуацию под контроль.

Таким образом, картина распространения тифа в Челябинской губернии и предпринятые усилия по противодействию, демонстрируют различные модели противоэпидемиологических мер, не имевших системы, но объединенных общими принципами. Привлечение граждан к профилактике, организация спецорганов с чрезвычайными полномочиями, сотрудничество различных властных структур в борьбе с инфекциями в итоге принесли свои плоды. Чрезвычайный опыт борьбы сохраняет актуальность и для современной ситуации.

Список использованных источников

1. Кобзов В.С. Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917-1921 годах. Челябинск, 1997.
2. Бугай Н.Ф. Ревкомы. Научно-популярный очерк. М., 1981.
3. Абрамовский А.П. Кобзов В.С. Забытое имя // Политический собеседник. 1989. №3.
4. Координаты подвига. Из истории Челябинской областной комсомольской организации. Челябинск, 1968.
5. Дмитриев Н.И. Белогвардейская эвакуация промышленности на Южном Урале // И.И. Неплюев и Южно-уральский край. Мат. науч. конф. Челябинск, 1993.
6. Советская правда (Челябинск). 1920. 27 марта.
7. Акула К.У. Чекатиф: структура, полномочия и деятельность Челябинской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом в 1919-1922 гг. // Трансформация социально-экономической системы в условиях цифровой экономики: взгляд молодых: сборник статей XX Национальной с международным участием научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Челябинск, 22 марта 2024 года. – М., 2024. – С. 339-341.
8. Панькин, С. И. Дезертирство на Южном Урале в 1920-1921 годах как проявление отклоняющегося поведения / С. И. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 1 (13). – С. 102-103. – EDN WHQРХV.
9. Панькин, С. И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 - весной 1921 г. / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-25-29. – EDN DNFNOO.
10. Панькин, С. И. Динамика экономического положения сельского населения Южного Урала в 1920-1921 гг. (по материалам Челябинской ГубЧК) / С. И. Панькин // Социально-экономическая и финансово-кредитная политика в регионе: Тезисы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 25 апреля 2002 года. – Челябинск: ВЗФЭИ (филиал в Челябинске), 2002. – С. 102-105. – EDN VUFCDX.
11. Панькин, С. И. Государственно-правовые меры борьбы с повстанцами в Челябинской губернии в 1920 г. / С. И. Панькин // История государства и права. 2022. № 3. С. 64-71. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-3-64-71. – EDN NNIYBX.
12. Селезнева В. Т. Очерки по развитию медицины и здравоохранения на Среднем Урале. Дисс. д-ра. мед. наук. Свердловск, 1964. – Т. 2.

13. Соколов Д. К. и др. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале // Челябинск. 1970. № 2 С.15-21.
14. Столярова И. В. Организация борьбы с эпидемией сыпного тифа на Южном Урале в годы гражданской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (459). С. 103-106.
15. Торфин Д.В. Санитарное обслуживание населения СССР в 1917 – 1945 г. // Современные вопросы теории, истории и организации здравоохранения. Выпуск 2. Москва – 1965. С 79-82.
16. Панькин, С. И. Повстанческая группировка станицы Краснинской Верхнеуральского уезда в 1920 году / С. И. Панькин // Гороховские чтения: материалы восьмой региональной музейной конференции, Челябинск, 13 ноября 2017 года. – Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017. – С. 122-128. – EDN YPFPAQ.
17. Панькин, С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920-1922 гг. / С. И. Панькин // Управление в современных системах. – 2015. – № 3 (7). – С. 47-58. – EDN TBHCID.
18. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под ред. В.Н. Ни. – Челябинск: ООО Проспект, 2005. – С. 113-122. – EDN SNKICN.
19. Панькин, С. И. Политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале в 1920 - 1922 гг. / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2013. – № 6 (44). – С. 118-122. – EDN RTNUNH.
20. Панькин, С. И. Характеристика повстанческих вооруженных формирований на Южном Урале в 1920-1922 гг. / С. И. Панькин // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в гуманитарных, естественных и технических науках: сборник трудов III Всеросс. научно-практической конф. преподавателей, ученых, специалистов и аспирантов, Челябинск, 11 марта 2014 года / Научный ред.: А.В. Молодчик, редактор-корректор: А.А. Митченкова. – Челябинск: ЧОУ ВПО «Южно-Уральский институт управления и экономики», 2014. – С. 66-80. – EDN TGZALD.
21. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг. / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. 2022. № 1. С. 25-29. – EDN KIUEAR.

22. Панькин, С. И. Модели возникновения выступлений и организация повстанческих структур управления на Южном Урале в 1920-1922 гг. / С. И. Панькин // Управление в современных системах. 2016. № 1 (8). С. 35-45. – EDN VVFUTN.

23. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг. / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6 (38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.

24. Быкова, О.В. Особенности борьбы с эпидемией сыпного тифа на Южном Урал в 1920–1923 года // Трансформация социально-экономической системы в условиях цифровой экономики: взгляд молодых: сборник статей XX Национальной с международным участием науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Челябинск, 22 марта 2024 года. М., 2024. С. 360-363.

25. Кузьмина, Ю.Ю. Хакимова К.Н. Эпидемия сыпного тифа в 1919–1921 годах в Челябинске и Челябинской губернии // Трансформация социально-экономической системы в условиях цифровой экономики: взгляд молодых: сборник статей XX Национальной с международным участием науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Челябинск, 22 марта 2024 года. М., 2024. С. 429-433.

26. Шабоян, К. Л. Организация борьбы с эпидемией сыпного тифа на Урале в период 1919 – 1921 годы // Трансформация социально-экономической системы в условиях цифровой экономики: взгляд молодых: сборник статей XX Национальной с международным участием науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Челябинск, 22 марта 2024 года. М., 2024. С. 506-510.